

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.161.1'28:811.161.1'374:39

DOI: 10.17223/22274200/11/8

Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова

ПАРАМЕТРЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме лексикографического представления русской диалектной фразеологии как феномена, обладающего самостоятельной лингвокультурной ценностью. В словарной практике диалектные фраземы фиксируются преимущественно как иллюстративный материал. Идея настоящего проекта – систематизированное описание данного пласта народной культуры с учетом мотивационных пресуппозиций, концептуального наполнения и способности выступать в качестве вербального кода культурного текста (обрядов, ритуалов и др.).

Ключевые слова: диалектная лексикография, культурная семантика диалектных фразем, этностереотипы русского языкового сознания.

Актуальность обращения к словарному представлению русской диалектной фразеологии «поддерживается» активно разрабатываемым в последние десятилетия этнолингвистическим и лингвокогнитивным лексикографированием «знаков культуры».

В современной лексикографии обнаруживается несколько вариантов представления семантики культурно маркированных языковых единиц, включающих фразеологизмы наряду с лексикой и текстами малых фольклорных жанров:

1) энциклопедическое описание традиционной культуры народа или близкородственных народов по данным мифологии, этнографии, фольклора, народных промыслов и т.п. Это чаще всего тематические сборники материалов без комментариев, например серия выпусков Свердловского областного дома фольклора «Традиционная народная культура Урала» [1], а также многочисленные издания (часто дублирующие друг друга), посвященные народному календарю («Календарь русской природы» [2], «Земледельческий календарь» [3] и др.);

2) описание локальной культурно-языковой традиции по данным народной обрядности, фольклора, например «Этнолингвистический

словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» [4]. В словаре представлены диалектная лексика и фразеология, тематически связанные со свадебной обрядностью Северного Прикамья (между реками Чусовая и Печора);

3) анализ базовых концептов культуры через выявление закрепленных культурных смыслов в языковых знаках разной природы. Отдельные фрагменты такой модели обнаруживаются в том числе во фразеологических словарях. Первым опытом такого рода стал историко-этимологический словарь «Русская фразеология» [5], в котором представлено сюжетное изложение историко-этимологической версии исходного образа фразеологизмов русского **литературного** языка. Ценным представляется привлечение авторами данного словаря фактов русского быта, истории, народных верований, обычаев и обрядов.

Идея, связанная с необходимостью «вписать» идиому в широкий социокультурный контекст, находит дальнейшее развитие в фундаментальном лексикографическом труде «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» [6]. Здесь впервые описывается ситуация употребления фразеологизма как «знака культуры». В зону культурологического комментария включаются исторические факты, сведения о связи фраземы с фольклорной традицией, аксиологические доминанты русской ментальности и т.п.

Русская диалектная фразеология – богатейший пласт традиционной народной культуры, однако в систематизированном виде этот языковой материал до сих пор не получил отражения в специальных изданиях. Диалектная фразеология используется лексикографами преимущественно лишь в качестве иллюстративного материала в словарях диалектной лексики. К собственно фразеологическим диалектным словарям относится «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» [7], который выполнен в традиционном ключе – как конкорданс фразем с толкованием их значений и контекстами употребления. Еще один из наиболее значимых – словарь «Человек в русской диалектной фразеологии» [8]. Данное издание относится к словарям идеографического типа.

Приступая к составлению фразеологического словаря, каждый исследователь определяет в первую очередь свою позицию в отношении структурно-семантической специфики и объема понятия «фразема». В определении фраземы мы исходим из ее понимания

как устойчивой, воспроизводимой, имеющей структуру предложно-падежной формы, словосочетания и предложения единицы, для которой характерны экспрессивность и/или образность (см., например: [9, 10, 11]), основанная *на переносном осмыслении исходной когнитивности*. Последний параметр вводится нами как особо значимый для выявления мотивационных пресуппозиций и концептуального наполнения фраземы, в том числе транслируемой ею лингвокультурной информации.

Диалектная фразеология «охватывает» отсутствующие в литературном языке и регулярно воспроизводимые в говорах устойчивые выражения, обладающие семантической слитностью и образностью, а также общенародные единицы, характеризующиеся в говорах формальным и/или семантическим варьированием компонентов. В соответствии с этим определением можно выделить следующие основные типы диалектных фразеологических единиц (далее – ФЕ):

1. **Семантический тип** диалектных ФЕ, имеющих в говорах значение, отсутствующее у литературного варианта, или не являющихся фраземами в литературном языке, где они выступают как свободные словосочетания: *До небёс подымать*. Врать, преувеличивать. *Ты чё ей поверила-то, она-ить всё до небес подымат*. Алап., Свердл. (ср. лит. *Возносить, превозносить до небес* в значении «чрезмерно высоко оценивать, восхвалять»); *Дразнить собак*. Шататься, слоняться без дела. *Не к какой работе не заучаешься, будешь собак дразнить*. Смол. [12. Т. 8. С. 168]. Ср. лит. *дразнить собак* в значении «намеренно задирать, вызывая агрессию, раздражение собеседника»; *Другая полови́на*. По суеверным представлениям – одно из названий домового или лешего. Ср. значение устойчивого перифраза *моя вторая половина* – об одном из членов супружеской пары, преимущественно о жене.

2. **Лексический тип** диалектных ФЕ, которые соотносительны по значению с литературными, но включают в свой состав диалектную лексему: *До пристали*. До изнеможения, до упаду. *Работали до пристали*. Шенк., Арх. *Делали до пристали, а в гору не высыпали*. Арх. *До пристали накосилась, ажно бок заболел*. Онеж. [Там же. Т. 31. С. 409]; *До приста́тку*. До изнеможения. *Не работой до приста́тку*. Перм. *До приста́тку находилась*. Киров., Волог., Арх. [Там же. Т. 31. С. 412]. *С утра до ночи без выходных вработиват, до приста́тку*. Ирбит., Свердл.; *Еры́кнуть в лу́жу*. Попасть в неловкое,

глупое положение, сесть в лужу. *Одно словечко ляпнул, ровно в лужу ерыкнул. Уж молчал бы.* Кашин., Твер. [12. Т. 17. С. 180].

3. **Грамматический тип** диалектных ФЕ, в состав которых входят собственно диалектные словоформы: *Доходный до Бога*. О человеке, угодном Богу, просьбы которого Бог якобы исполняет. *Васька-то юродивой, говорят, он доходный до Бога, он таким-то, Бог-то, помогают* (Талиц. Свердл.); *Дум думать*. Предаваться размышлениям. *Спать я не сплю, Крепко дум думаю.* Нолин., Вят. Ср.: *Дум. Дума, размышление* [Там же. Т. 8. С. 253]. Ср. лит. ФЕ *думу думать* с тем же значением, но с другой управляемой словоформой существительного ж.р.

4. **Мотивационный тип диалектных ФЕ**, проявляющий вариативность (различие) образности внутренней формы [13] диалектного и литературного фразеологических коррелятов с тождественным значением. Этот тип обычно специально не выделяется, но, с нашей точки зрения, он не менее значим для фиксации специфики диалектной фраземы: *Клюквой торговать*. Испытывать уныние, тоску, скучать. *Что ты один сидишь, клюквой торгуешь, шёл бы в клуб, там все девки сейчас, ребята* [14. С. 125]. Ср. лит. *нос повесить* с тем же значением; *Быть и в кольях, и в мялях*. Все испытать, пройти сквозь огонь и воду. *Он и в кольях, и в мялях был, всяко испытал на веку-ту* (Талиц. Свердл.); *Быть и на печке, и под печкой, и в сохе, и в бороне*. Побывать в различных жизненных ситуациях: *Везде была: и на печке, и под печкой, и в сохе, и в бороне* (Ачит. Свердл.); ср. лит. *пройти сквозь огонь, воду и медные трубы*. См. также: *в брови резать*. Говорить в глаза то, что думаешь: *Она слова-те не выбирает, че думат, то в брови режет* (Артинск. Свердл.). Ср. лит. *резать (правду-матку) в глаза*.

Характер мотивационной пресуппозиции, лежащей в основе образного переосмысления исходной для фраземы когнитии, позволяет судить об операциональной природе данного процесса. Можно выделить несколько векторов образной мотивации диалектных ФЕ, причем этот процесс универсален и отмечается в большей или меньшей степени во всех говорах:

а) переосмысление первичного (буквального) значения слова / словосочетания на основе предметно-символической метафоры: *Ад раскрыть* – ‘громко кричать, ругаться, скандалить’: *Чего ад-то раскрыл?* [15. Т. 1. С. 13], ср. диал.: *ад, адина* ‘рот, горло, глотка’. В снятом виде в мотивации данной ФЕ представлен образ ада как

символического места мучений грешников (стенающих, кричащих и т.д.);

б) переосмысление прямого значения лексического компонента ФЕ на основе метонимической мотивационной пресуппозиции: *Кармана нету* – ‘нет денег’: *Что делать, если кармана нету* [14. С. 120];

в) переосмысление прямого значения устойчивого словосочетания на основе экспрессивно-оценочной мотивационной пресуппозиции: *Запеть (затянуть) аллилуйю* – ‘долго и нудно твердить одно и то же’, ‘нести вздор’ (Красноуф.); ср. *петь аллилуйю* – о заключительной части молитвы, когда многократно повторяется возглас «аллилуйя», восхваляющий Бога; в лит яз. ФЕ имеет значение «непомерно восхвалять кого-либо». Значение диалектной фраземы приобретает сниженно-профанный характер отрицательной оценки формы и содержания речи.

В свете сказанного представляется продуктивной идея описания русской диалектной фразеологии как феномена, обладающего самостоятельной лингвокультурной ценностью и транслирующего особый тип традиционной народной ментальности.

Модель представления в словаре культурных смыслов диалектных ФЕ должна, на наш взгляд, включать такие основные параметры, как:

а) характеристика денотативной отнесенности ФЕ, при этом в особых комментариях нуждаются полифункциональные объекты номинации: предметы, атрибуты и действия, которые могут в одних ситуациях выступать как обыденные, в других – как культурно маркированные;

б) характер эталонных сравнений [16], аксиологических стереотипов, лежащих в основе образной семантики диалектных ФЕ;

в) характеристика системных связей ФЕ (в частности, через выявление наборов системно значимых семантических оппозиций культурного знака);

г) народная метаязыковая рефлексия, основанная на показаниях языкового сознания диалектоносителей, зафиксированная в контекстах употребления ФЕ;

д) возрастная, территориальная, гендерная, социальная отнесенность выражаемой ФЕ культурной информации (данный компонент семантизации должен учитываться при описании дополнительных,

периферийных признаков значения фраземы, в разной степени актуальных для носителей языка);

е) «вписанность» значения ФЕ в широкий культурный контекст через ритуал, обряд, обычай, фольклор и т.п. [17].

При выборе способа толкования знака следует учитывать две ситуации: 1) культурно значимая информация об обозначаемом формально выражена (внутренней формой фраземы, культурно маркированными онимидами, языковыми единицами, представляющими базовые концепты культуры и т.п.); 2) культурно значимая информация формально не выражена.

В первом случае возможность «считывания» этнокультурной информации носителями языка достаточно реальна, хотя ее смысловая «глубина» может быть различной, поскольку основана на разного рода языковых и внеязыковых ассоциациях и обусловлена в значительной степени общекультурной компетенцией языковой личности. Для лексикографического представления такого рода фактов достаточно интерпретации их мотивированности, денотативной «привязки» и/или пояснения их системных (внутрипарадигматических или межпарадигматических) связей, поскольку культурный компонент составляет основу семантики этих единиц. Ср., например:

➤ толкование ФЕ через отсылку к культурно маркированному мотиватору: **В верш попасть**. Попасть впросак [14. С. 25]. Ср. *верша* – один из атрибутов традиционных народных промыслов: плетенная из прутьев рыболовная ловушка, попадая в которую через узкое отверстие-вход, рыба не может выйти обратно;

➤ выявление базовых культурных смыслов через денотативные признаки лексических компонентов ФЕ. Так, денотативной когнитивной, которая обрабатывается фраземой **В колья, в мялья**, является буквальный смысл этого выражения («отходы при первичной обработке льна, конопля»), отсылающий к сфере народных промыслов. Вторичные смыслы – «на все случаи жизни», «на все руки мастер», «как попало, небрежно обращаться с чем-л.» – соотносятся с эталонами положительной оценки рукодельного мастерства и одновременно с отрицательной оценкой небрежности в работе;

➤ толкование ФЕ через анализ системных связей единиц одной лексико-семантической парадигмы. Ср., например, фразему **На кой ляд** – бран. «выражение неудовольствия, нежелания делать что-л., связываться с чем-л.», которая объясняется диалектоносителями через контексты, включающие табуированные обозначения нечистой

силы и эксплицитно представленное слово, подвергнутое условной замене: *На кой ляд, на кой леший он с имя связался* (Слобод.). Соотнесение прямого и табуированного обозначений нечистой силы осуществляется в контексте-толковании посредством устойчивых словесных формул, нанизываемых одна на другую и употребляемых в качестве вариантных: ляд ‘нечистый, черт’ выступает как замена слова *леший*. Данные вариантные названия являются системно закрепленными и фиксируются не только в диалектных словарях. Такого рода обозначения нечистой силы следует, по-видимому, считать уже десакрализованными и десемантизированными: они, как правило, имеют междометный характер, не выполняют номинативной функции и выражают экспрессивную оценку ситуации. Ср. диал. выражение *на лешак напился с пометой* «бранное» [18. С. 74]; стилистически маркированные варианты фразеологических оборотов *на кой ляд // черт // бес // дьявол // шут // леший // пес // хрен // прах* «прост.» [19. С. 519]; ср. также прост. ‘выражение негативного отношения, недовольства, негодования и т.п.’ *да ну тебя (вас, всех вас, его, её, их) к ляду // к черту // к аллаху // к дьяволу // к бесу // к лешему // к бабушке* [20. С. 149].

Другой вариант семантизации выбирается, если лексические маркеры культурных смыслов отсутствуют, т.е. культурная информация имплицитна (речь идет, в частности, об общеупотребительных словах, приобретающих культурные смыслы только в комплексе с другими культурными кодами). Лексикографическая фиксация должна при этом учитывать внеязыковые пресуппозиции, связанные с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями. Ср., например, случаи невыраженности сакрального компонента идиомами, для интерпретации которых необходим широкий этнокультурный контекст: *Место глядеть* ‘в свадебном обряде смотреть дом и хозяйство жениха’. Именно дом в традиционной народной культуре имеет особое значение, поскольку это единственное сакрально гарантированное пространство, в котором человек чувствует себя защищенным от бед, от действий нечистой силы. Дом – основа благополучия рода, средоточие жизненных ценностей, внутреннее, безопасное пространство, свое, в противоположность внешнему, опасному, чужому. Поэтому при переезде на другое место (в данном случае – невесты в дом мужа) нужно предварительно убедиться в основательности, надежности и, следовательно, безопасности нового жилища.

Подобные случаи имплицитно представленной в значении свадебной обрядности демонстрирует фразама **Свекровку волочить** – ‘катать по селу после свадьбы мать жениха’. *На второй день свадьбы свекровку волочили. Она сидела, прядла куделю в санках, промеж ног бутылка, где останоятся, свекровка по рюмочке подает прохожим* [4. С. 34].

Выявление культурных смыслов диалектных ФЕ может осуществляться и через указание на символические функции обозначаемого. Ср. **даром – за амбаром** – о ситуации беспредметного торга: за все надо платить (ср. синонимичную шутливо-разг. сентенцию *бесплатный сыр бывает только в мышеловке*): *Думаешь даром? Даром – за амбаром. Заняла денег-то* [14. С. 63]. При семантической диффузности символа (каковым является в данной ФЕ слово *амбар*) описывается круг наиболее значимых культурных функций с приведением типовой метафорики: «*Амбар*. Др.-рус. *житница*, хранилище жита, связанное в ритуально-магической практике с обеспечением урожайности и плодородия. В амбаре совершались магикоритуальные действия, связанные преимущественно с жнивной, а также с новогодней, иногда свадебной обрядностью. Широко распространен обычай хранить в амбаре жатвенную «бороду» – последний сноп или венок жатвенный. Полный амбар – метафора хорошего урожая и богатства (ср. рус. *полные закрома*)» [Там же. С. 104].

Приведем также другие виды культурной информации, содержащейся в значениях диалектных ФЕ и требующей лексикографической интерпретации:

➤ фразеологические эвфемизмы. Например, **Кумохи наспать** – эвфемистическое обозначение лихорадки через термин родства. Считалось, что с этого дня (10 марта) на людей нападала кумоха – ‘вешняя дрема’: *Сон валит слабых с ног, всё время хочется спать. Запрещается спать днём, иначе нападёт Кумоха. Считалось, что с этого дня опасно спать вечером. Говорили: «Кто спит под вечер, тот наспит Кумохи»*. Кумоха – лихорадка. *Если в этот день сорвётся с крючков дверь в избу, то может войти кумоха и принесет болезнь или смерть, пожар или мор. Кумоха живёт в дремучем лесу в непокрытой избе с сестрами-лихорадками* (Бутк. Свердл.) ФЕ, восходящие к оценочным эталонам социального статуса крестьянина, особенностей его убогого быта. Например, **В угол рожей // побанному крыты // по-рогожному шиты** – ‘никудышный, никчемный, хуже других’: *Ступай, что мы тут тебе в угол рожей что ли,*

по-банному крыты, по-рогожному шиты? Не хуже других! [14. С. 47];

➤ ФЕ, транслирующие информацию о сакральных практиках народной медицины. Например: **Зааминить вереды** // **Зааминить чирьи**: *Зааминю все чирьи, все вереды.* (При болезни глаз) лекарка зааминивает зрачки на утренней заре и вечерней. В суеверном представлении – ‘оградить себя от какого-нибудь неприятного обстоятельства, беды произнесением слов *аминь* *будь*’: *Старик его [черта] там опять и зааминил* [12. Т. 9. С. 238];

➤ ФЕ, транслирующие культурную информацию о взаимодействии человека с нереальным миром, обрядовых действиях по предсказанию будущего. Например: **Слушать (послушать, гадать) на расстанях** – ‘обряд гадания девушек в святые вечера, или на Святках, когда они выходили на развилку дороги, чтобы по дорожным звукам определить свою судьбу’ [Там же. Т. 34. С. 226]: *Гадали на расстанях: падут к земле, где послушается, туда и замуж выйдут. На расстани ходили в Новый год ворожить. А вон заулок да улица сошлись, вот тебе и расстань. Бегали на расстань слушать, откуда колокольцы услышишь, туда и замуж выйдешь* // *Перед Крещеньем Святки называются, святы вечера. Все, значит, девки, бабы, мужики – те не ходят, только галятся, а эти-то все наладились и гадают, всяко место. Ворóжат на свечках с зеркалам, валенок бросают, на картах – всяко место. Колоду кумошáт, надо, чтоб неиграна была, ложат под подушку и надо сказать, что я тебя всю ложу, а ты мне только суженого покажи. И во сне приснится, кто* (Бутк. Свердл.);

➤ ФЕ, отражающие народные представления о нечистой силе (домовых, леших, кикиморах, русалках и т.п.), добрых и злых духах, помощниках человека и тех, кто ему вредит. Такие фраземы могут приобретать характер оберегов. Например, **Ангелы по углам, хранители по очагам** – ‘оберег на все случаи жизни’: *Ложуся я спать на Христову печать, на Богородицыну руку. Ангелы по углам, хранители по очагам, сам Иисус Христос во дворе и вокруг нашей хоромы. Слава Отцу, и Сыну, и Святому духу. Аминь. Крест креститель, крест святитель, крест церковна красота. Пресвятая матушка Богородица, спаси и сохрани* (здесь можно перечислить всех, кому вы хотите здоровья пожелать) *на каждый день, на каждый час, на каждую минуту. Господи, ты нас благослови! Аминь. Эта*

молитва-оберег читается перед сном за здоровье домочадцев, воинов, за сохранность дома, хозяйства (Бутк. Свердлов.).

Данная ФЕ отражает обычай на Крещение обходить дом с церковной свечкой и рисовать во всех углах и над окнами крестики, считалось, что в таком случае углы будут защищены ангелами-хранителями. Компонент ФЕ *хранители по очагам* отражает традиционное представление о домашнем очаге как месте обитания духа, защищающего дом (см. *домовой, Чур, Пенаты*) [21. Т. 2].

Подводя итог, еще раз подчеркнем значимость выделенных типов культурной информации для лексикографического представления диалектной фразеологии. Введение в словарную статью многоуровневого культурологического комментария позволяет системно охарактеризовать диалектный фразеологический континуум как фрагмент традиционной народной языковой картины мира. Такой комментарий демонстрирует связь образного содержания фразеологизма с мифологическим, фольклорным, библейским и другими кодами культуры. Представленная в статье модель лингвокультурологической интерпретации диалектных ФЕ не является универсальной, однако предложенные параметры комплексного словарного описания данного языкового материала обладают, на наш взгляд, достаточной операциональностью и могут быть использованы в современной антропоориентированной лексикографической практике. В настоящее время авторами статьи в заявленном ключе разрабатывается новый лексикографический проект, в котором русская диалектная фразеология будет представлена с учетом предложенной модели. Лингвокультурологический комментарий в данном словаре должен стать базовым компонентом дефиниции ФЕ, что позволит системно представить аксиологические доминанты носителя современных русских говоров.

Литература

1. *Востриков О.В.* Традиционная культура Урала: Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. – Вып. 3. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000. – 199 с.
2. *Стрижев А.Н.* Календарь русской природы. – М.: Колос, 1993. – 320 с.
3. *Круглый год: Русский земледельческий календарь* / сост. А.Ф. Некрылова. – М.: Правда, 1991. – 496 с.
4. *Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Пермь: Кн. изд-во, 2004. – 359 с.
5. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

6. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
7. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
8. Алексеев М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. – 238 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Ковинова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Кн. дом «Либроком», 2012. – 456 с.
11. Никитина Т.Г. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т, 1998. – 208 с.
12. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. СПб.: Наука, 1965–2016. – Вып. 1–49.
13. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 394 с.
14. Грдина Т.А., Коновалова Н.И. и др. У народа – как у праздника: словарь русской диалектной фразеологии. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – 273 с.
15. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Т. 1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 252 с.
16. Грдина Т.А. Предметные эталоны образной номинации в сознании диалектоносителя // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2013. – №11. – С. 141–147.
17. Коновалова Н.И. Лексические фрагменты языковой картины мира в свете ментальности диалектоносителя (исследовательский проект) // Урал. филол. вестн. – Сер.: Психолингвистика в образовании. – 2012. – № 5. – С. 42–60.
18. Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – 188 с.
19. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
20. Меликян В.Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта, 2001. – 240 с.
21. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого, С.М. Толстой. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1–5.

LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF DIALECTAL PHRASEOLOGY: A CULTURAL-LINGUISTIC ASPECT

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 119–131.

DOI: 10.17223/22274200/11/8

Tatiana A. Gridina, Nadezhda I. Konovalova, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tatyana_gridina@mail.ru / sakralist@mail.ru

Keywords: dialect lexicography, cultural semantics of dialectal phrases, ethnostereotypes of Russian linguistic consciousness.

The paper focuses on **the problem of the lexicographic presentation of Russian dialectal phraseology** as the phenomenon having its own linguocultural value, with specification of ethnolinguistic and linguocognitive information conveyed by this layer of traditional folk culture.

This linguistic material has not attained its systematic presentation in specialized lexicographic editions so far. Dialectal phraseology is mainly used by lexicographers as illustrative material in dialect dictionaries.

The aim of the current study is to develop a complex lexicographic model for interpretation of meanings and cultural senses of dialectal phrasemes, which convey a specific type of traditional folk mentality.

The material under analysis is phraseological units functioning in modern Russian dialects. The phrasemes are taken from dialect dictionaries and from the card-files of Ural State Pedagogical University including the units traced by the authors of the paper in the speech of dialect speakers (the sample size is over 2300 units).

The research methods include the traditional methods of classification and structural-semantic analysis, the procedures of linguocognitive “portraying” the phraseme on the basis of motivational presuppositions; interpretation of phraseological units as “cultural signs” was fulfilled by means of analyzing non-verbal codes of ethnolinguistic information (customs, rites, myths, symbols).

The research procedure. At the *first stage* of the research different types of the phrasemes were identified taking into account their structure and/or semantics as compared with literature phraseological units. Such types comprise semantic, lexical, grammatical and motivational phrasemes. The character of motivational presupposition underlying the transformation of the initial imagery in the phraseme was foregrounded to characterize the operational nature of this process. At the *second stage* parameters for interpretation of cultural senses of Russian dialectal phrasemes were determined. At the *third (final) stage* the identified parameters describing the ethnolinguistic and linguocognitive context of dialectal phrasemes functioning were taken into account to develop the complex model of lexicographic presentation.

Conclusions. The lexicographic model of linguocultural interpretation of dialectal phrasemes is supposed to comprise the following parameters: 1) characterizing the denotative meaning of the phraseme with special commenting on the polifunctional objects of nomination, i.e. subjects, attributes and actions which can be culturally marked or non-marked depending on the situation; 2) character of prototype comparisons and axiological stereotypes underlying the imagery semantics of the phraseme; 3) characterizing the language system relationships and connections of the phraseme; 4) folk metalinguistic reflection based on the evidence of dialect users’ linguistic consciousness, which is fixed in contexts of phrasemes usage; 5) age, territorial, gender, social attribution of the cultural information expressed by the phraseme; 6) “fitting” of the phraseme meaning in the wide cultural context through the custom, rite, folklore, etc.

The presented model of linguocultural interpretation of dialectal phrasemes is not entirely universal. Nevertheless, the suggested parameters of complex lexicographic description of the given language material are operational enough to be used in modern anthropologically oriented practice of lexicography.

References

1. Vostrikov, O.V. (2000) *Traditsionnaya kul'tura Urala. Etnoideograficheskii slovar' russkikh govorov Sverdlovskoy oblasti* [Traditional culture of the Urals. Ethnoideographic dictionary of Russian dialects of Sverdlovsk oblast]. Vol. 3. Ekaterinburg: Sverdlovskiy oblastnoy Dom fol'klora.
2. Strizhev, A.N. (1993) *Kalendar' russkoy prirody* [The calendar of Russian nature]. Moscow: Kolos.
3. Nekrylova, A.F. (1991) *Kruglyy god. Russkiy zemledel'cheskiy kalendar'* [All the year round. Russian agricultural calendar]. Moscow: Pravda.

4. Podyukov, I.A., Khorobrykh, S.V. & Antipov, D.A. (2004) *Etnolingvistiicheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikam'ya* [Ethnolinguistic Dictionary of Wedding Terminology of the Northern Kama region]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.
6. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [A large phraseological dictionary of the Russian language. Value. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
7. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
8. Alekseenko, M.A., Belousova, T.P. & Litvinnikova, O.I. (2004) *Chelovek v russkoy dialektnoy frazeologii: Slovar'* [Man in Russian dialectal phraseology: dictionary]. Moscow: OOO "ITI Tekhnologii".
9. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".
11. Nikitina, T.G. (1998) *Problemy izucheniya etnokul'turnoy spetsifiky frazeologii* [Problems of studying the ethnocultural specifics of phraseology]. Pskov: Pskov State Pedagogical University.
12. Filin, F.P. (ed.) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–49. St. Petersburg: Nauka.
13. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Gridina, T.A. et al. (2012) *U naroda – kak u prazdnika: slovar' russkoy dialektnoy frazeologii* [People like a holiday: a dictionary of Russian dialect phraseology]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
15. Matveev, A.K. (2001) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1. Ekaterinburg: Ural State University.
16. Gridina, T.A. (2013) Predmetnye etalony obraznoy nominatsii v soznanii dialektonosatelya [Subject standards of a figurative nomination in the consciousness of a dialect speaker]. *Psikholingvistiicheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. 11. pp. 141–147.
17. Konovalova, N.I. (2012) Leksicheskie fragmenty yazykovoy kartiny mira v svete mental'nosti dialektonosatelya (issledovatel'skiy proekt) [Lexical fragments of the linguistic picture of the world in the light of dialect speaker's mentality (research project)]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii – Ural Journal of Philology. Series: Psycholinguistics in Education*. 5. pp. 42–60.
18. Lyutikova, V.D. (2000) *Slovar' dialektnoy lichnosti* [Dictionary of dialect personality]. Tyumen: Tyumen State University.
19. Molotkov, A.I. (ed.) (1986) *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Melikyan, V.Yu. (2001) *Emotsional'no-ekspressivnye oboroty zhivoy rechi* [Emotional-expressive phrases of living speech]. Moscow: Flinta.
21. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (eds) (1995) *Slavyanskies drevnosti: etnolingvistiicheskiy slovar' v 5-ti t.* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.